

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. А. Мальцев¹,

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ: НОВЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ²

Данная статья посвящена анализу особенностей современной методологии истории экономических учений. В исследовании выявлены причины утраты доминирующего положения в историографии приверженцев абсолютистской интерпретации истории экономической мысли. Установлены факторы, обусловившие расширение методологического арсенала историков экономических учений на рубеже XX–XXI столетий. Осуществлена систематизация содержания ключевых подходов к исследованию истории экономической мысли. Определены основные достоинства и недостатки наиболее распространенных в настоящее время методологических принципов изучения истории экономических учений и рассмотрены перспективы достижения историографического консенсуса.

Ключевые слова: история экономических учений, абсолютизм, релятивизм, позитивизм, постмодернизм.

METHODOLOGICAL LANDSCAPE OF THE HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT: NEW HISTORIOGRAPHICAL ALTERNATIVES AND OPPORTUNITIES

The article deals with the analyses of the modern history of economic thought methodology. The study traces the causes, which led to the loss of dominance of the proponents of absolutist interpretation of the history of economic thought in historiography. The factors that led to the expansion of the methodological arsenal

¹ Мальцев Александр Андреевич, к.э.н., доцент кафедры мировой экономики; e-mail: almalzev@mail.ru

² Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-5700.2016.6.

used by the historians of economic thought at the turn of XX–XXI centuries are determined. The author attempts to systematize the content of the key approaches to the study of the history of economic thought. The article reveals the main advantages and disadvantages of the most widespread present time methodological principles of studying the history of economic thought and examines the prospects to achieve historiographical consensus.

Key words: history of economic thought, absolutism, relativism, positivism, postmodernism.

Введение

Последняя треть XX — начало XXI столетия в плане развития исследований прошлого экономической науки вошли в историю под названием «Десятилетий методологических дебатов». Одна из наиболее острых дискуссий развернулась вокруг выбора способа анализа истории экономических учений (ИЭУ). Истоки этого спора уходят корнями в середину XX в., когда история мысли начала получать методологическую самостоятельность и обретать отличный от экономической теории предмет изучения. Если до 1960-х гг. ИЭУ рассматривалась большинством исследователей как «просто историческое продолжение экономической теории» [Goodwin, 2008], то спустя несколько десятилетий все больше экспертов полагали, что «история экономических учений должна стать автономной (от экономической теории. — А. М.) и изучаться сама по себе» [Backhouse, 1995, p. 45]. Вполне естественно, стремление к выделению ИЭУ из предметного поля экономической науки активизировало разработку новых и модернизацию уже существующих подходов к изучению истории экономической мысли.

По-видимому, именно высоким накалом противоборства между сторонниками различных взглядов на эволюцию экономической науки можно объяснить ситуацию, сложившуюся в современной историографии, когда история экономических учений, преимущественно освещается под каким-то одним углом зрения. Многие авторы в пылу полемического задора столь щедро критикуют — в большинстве случаев справедливо — своих оппонентов и настолько активно занимаются методологическим прозелитизмом, что зачастую недостаточно четко формулируют суть своей позиции. Как итог, ожесточенная дискуссия порождает определенное чувство растерянности от чрезмерной широты набора историографических подходов, естественно, вызывая определенные затруднения при выборе оптимального инструментария анализа истории экономической мысли.

Для облечения выбора метода(ов) исследования ИЭУ мы попытаемся систематизировать основные современные способы изучения истории экономических учений. В целях решения этой задачи в первой части статьи будут проанализированы причины утраты доминирующего положения приверженцев абсолютистской интерпретации ИЭУ и выявлены факторы, обусловившие расширение историографического диапазона в конце XX — начале XXI столетия. Во второй — продемонстрировано содержание ключевых подходов к исследованию истории экономических учений. В третьей — выявлены сильные и слабые стороны наиболее распространенных в настоящее время историографических установок и оценены перспективы их синтеза.

1. Крах абсолютистской монополии

Один из крупнейших знатоков истории экономической мысли М. Блауг дал следующую характеристику приверженцам абсолютистской методологии: «абсолютист... следит только за строго интеллектуальным развитием предмета, которое... рассматривает как неуклонный прогресс от ошибки к истине» и высокомерно относится к авторам прошлого [Блауг, 1994, с. 1]. По всей видимости, Ж.-Б. Сэй стал первым экономистом, предельно четко сформулировавшим данную точку зрения. «...Чем больше мы знаем о какой-то науке, — писал в 1829 г. французский ученый, — тем меньше возникает нужды заниматься изучением ложных и сомнительных мнений, приведших этот предмет к его сегодняшнему состоянию. Наш долг — с уважением относясь к ошибкам прошлого, не заниматься их воскрешением, а просто забыть их» [цит. по: Hutchison, 1978, p. 213]. Несмотря на то что подобная сентенция не нашла отклика даже у бывшего студента Сэя — Ж.-А. Бланки, специально подчеркнувшего в предисловии к своей «Истории политической экономии в Европе», что «в отличие от Ж.-Б. Сэя... не будет ограничиваться анализом курса политической экономии начиная с Кенэ с добавлением нескольких слов вежливости к предшествующим векам» [цит. по: Groenewegen, 2002, p. 50–51], именно абсолютисты к началу второй половины XX столетия захватили лидерство в сфере изучения ИЭУ.

Например, нобелевский лауреат Дж. Стиглер в конце 1960-х гг. совершенно определенно говорил о том, что на интеллектуальном рынке выживают только наиболее востребованные идеи. Следовательно, «от чтения старых авторов нет никакой умственной пользы»

[Boettke, 2001a, p. 121]. Абсолютистская риторика отличала раннее творчество аспиранта Дж. Стиглера — М. Блауга. В 1994 г. Блауг описал методологическую позицию, занятую им в своем главном труде «Экономическая мысль в ретроспективе» (вышел в свет в 1962 г.), следующим образом: «Я объявил себя непримиримым абсолютистом и подтрунивал над релятивистами на всем протяжении книги» [Blaug, 2004, p. 79]. С не меньшим рвением достоинства абсолютизма пропагандировал другой выдающийся экономист — П. Самуэльсон, предложивший «изучать прошлое с позиции современного состояния экономической науки» [Kurz, 2013, p. 4]. По мнению профессора Университета Джорджа Мейсона П. Беттке, в своем стремлении оценивать работы ученых прошлого в виговском духе «кто, сколько внес (алгебраической) добавленной стоимости в общий дом знания» [Kliman, 2007, p. 10] нобелиат фактически дошел до «постулирования того, что практически все, достойное обсуждения в экономике, может быть найдено в его работе» [Boettke, 2001a, p. 121].

Объяснение того, почему лучшие умы экономической науки 1950–1980-х гг. в своем большинстве легко согласились с утверждением «кому нужен Смит после Самуэльсона» [Bolduing, 1971], по нашему мнению, прежде всего, кроется в завершении в послевоенный период начатой еще в 1940-е гг. формалистско-позитивистской революции [Boettke, 2001b, p. 236; McCloskey, 1994, p. 127]. Данный методологический переворот означал следующее. Во-первых, экономисты «основного рула» стали ощущать себя физиками и математиками с их кредо «только измерение есть наука» [Boettke, 1994, p. 3] и верой в то, что все теоретические наработки прошлого нашли отражение в трудах их современников. Во-вторых, экономисты начали применять научную методологию и технику анализа, или, проще говоря, «использовать математику в качестве языка, а физику в качестве образца для подражания» [Szenberg M. et al., 2006, p. 1]. В-третьих, экономисты для соответствия критериям научности, принятым в точных науках, взяли курс на интеллектуальную автономию от таких «отсталых» предметов, как история и философия, которые не могут вывести «универсальные законы, как математика или механика» [Emmett, 1999, p. 28].

Однако уже в конце 1980-х гг. все сильнее стали раздаваться призывы к большему методологическому плюрализму в изучении ИЭУ, вылившиеся в быстрое размывание «монополии» абсолютизма к началу третьего тысячелетия. Конечно, попытки оспорить абсолютистскую ортодоксию предпринимались и ранее, но большая часть из них разбивалась о критику со стороны абсолютистского большин-

ства и равнодушие к историографическим вопросам мейнстримного экономического сообщества. Представители альтернативных взглядов на эволюцию ИЭУ даже в начале 1980-х гг. могли лишь мечтать о том, чтобы «достучаться» до академического Олимпа, занимаемого, скажем, такими гигантами, как Р. Коуз, убежденного во вневременном, не зависящем от внешних обстоятельств характере экономической науки: «Заявления о том, что развитие экономической теории не сильно зависит от текущих событий в экономическом мире, и то, что работа экономтеоретика не имеет отношения к экономической политике... в значительной степени верны» [Coase, 1982, p. 22].

Однако совсем скоро натиск мятежников, дерзнувших поставить под сомнение справедливость философского абсолютизма «основного русла», заставил корифеев уровня лауреата Нобелевской премии Р. Солоу не только обратить на бунтовщиков внимание, но и признать, что некоторые из них «находятся в нешуточной опасности зайти слишком далеко». Главную тревогу специалистов старой школы вызывали опасные, на их взгляд, заигрывания смутьянов с релятивизмом, подрывавшим веру в возможность нахождения истины и затруднявшим привычную для абсолютистов категоризацию чего-либо на «плохое» и «хорошее». «Я переживаю, — откровенно признавал Солоу, — ...что (противники абсолютизма. — *А. М.*) все больше утверждают во мнении, будто все способы аргументации одинаково хороши. В этом случае я на стороне оруэлловских свиней: все доводы равны, но некоторые равнее других» [Solow, 1988, p. 32].

Тем не менее деликатные возражения Солоу не смогли остановить рост интереса исследователей конца XX столетия к релятивистскому подходу в экономической методологии и ИЭУ, подразумевающего рассмотрение теорий прошлого «как более или менее точное отражение тогдашних условий» [Блауг, 1994, с. 1]. При этом даже казавшиеся еще совсем недавно грозными обвинения релятивистов в том, что их подход рождает «отвратительную экономическую теорию» [Gordon, 1965, p. 127], больше не отпугивали ученых. Более того, некогда непоколебимые абсолютисты отказались от антирелятивистских убеждений или смягчили отношение к релятивизму. Так, в 1990–2000-е гг. произошло методологическое перерождение Блауга. Списав свою увлеченность абсолютизмом на ошибку молодости, экономист признал: «Абсолютизм... разрушает историческое понимание прошлого» [Blaug, 2004, p. 79] и принял за популяризировать следующий тезис: «исторические реконструкции (рассмотрение теорий прошлого в их историческом контексте. — *А. М.*)... —

единственно правильное занятие историков экономической мысли» [Blaug, 2002, p. 80].

Схожие метаморфозы произошли с другим интеллектуальным титаном — П. Самуэльсоном. Хотя нобелевский лауреат не устраивал публичных «раскааний» в своей приверженности абсолютизму, трансформация некоторых взглядов «отца современной экономической теории» [Parker, 2002, p. 25] на склоне лет не может не броситься в глаза. Во-первых, ученый начал надеяться на то, что «при встрече со святым Петром моим самым страшным преступлением будет поддержка виговского подхода к истории науки» [Medema, Waterman, 2010, p. 70]. Во-вторых, за полгода до своего ухода из жизни профессор сделал принципиальное заявление: «Экономика очень далека от точной науки» [Clarke, 2009]. Следовательно, к «королеве социальных дисциплин» едва ли применим характерный для естествознания и защищавшийся мэтром на протяжении всей жизни кумулятивный взгляд на развитие науки, формирующий сердцевину самуэльсоновского подхода к историографии.

Столь радикальное изменение представлений ученых, которых, при всем желании, трудно заподозрить в непостоянстве и легкомыслии, с нашей точки зрения, можно объяснить лишь какими-то глубокими сдвигами в социально-экономическом климате последней трети XX столетия и очередной сменой философских настроений экономического сообщества.

Многие современные обществоведы сходятся во мнении, что одним из наиболее подходящих терминов для характеристики мировоззренческой атмосферы рубежа второго и третьего тысячелетий является парадигма постмодерна. Применительно к научной деятельности, постмодернизм отрицает принципы, формирующие каркас философии модернизма и Просвещения. Так, постмодернисты решительно отвергают возможность нахождения абсолютного знания, считают иллюзорным поиск правды и ставят под сомнение способность беспристрастного описания реальности [Van Assalet, 2000, p. 79], а научную объективность и вовсе называют «шарадой, сконструированной обществом» [Biology in Society]. Как бы то ни было, в ИЭУ начала третьего тысячелетия резко ослабли позиции сторонников абсолютизма и, напротив, расширилось число приверженцев постмодернистских тенденций в историографии. Постмодернизм, самую суть которого крупный специалист в области истории мысли У. Самуэльс определил именно как релятивизм, с его неприятием какого-либо детерминизма, наложил свой отпечаток и на релятивистскую методологию [Johnson et al., 2012, p. 140].

На смену релятивистам, гротескно изображенным ранним Блаугом в виде людей, пытающихся установить прямую причинно-следственную связь между изменениями в хозяйственных институтах и экономическом мышлении [Блауг, 1994, с. 2–3], пришли другие специалисты. Их методологическую позицию в целом можно охарактеризовать как интерпретивизм — стремление, избегая выделения какого-то одного фактора, воздействующего на развитие теоретических представлений, восстановить истинный смысл, вкладываемый автором изучаемого произведения в свой текст через реконструкцию контекстов, окружающих анализируемую работу. Это течение в современной историографии представлено такими субнаправлениями, как конструктивистский подход, интеллектуальная история, др. Впрочем, в полном соответствии с постмодернистским императивом толерантности в ИЭУ начала XXI в. с «интерпретивистами» мирно сосуществуют идейные продолжатели Сэя, отстаивающие «право на жизнь» абсолютистского подхода, именуемого теперь методом рациональных реконструкций.

2. Основные современные подходы к изучению ИЭУ

Основное содержание наиболее распространенных в настоящее время подходов к исследованию истории экономических учений мы свели в табл. 1. В качестве комментария заметим, что, как и любая другая классификация, типологизация методологии ИЭУ достаточно условна. Мало кого из специалистов по истории мысли можно однозначно отнести, скажем, к категории «стопроцентных» релятивистов или абсолютистов. Более того, многие ученые даже в рамках одной работы зачастую не могут определиться в своих методологических предпочтениях. Начав изучение творчества какого-нибудь экономиста прошлого в русле абсолютизма, к концу исследования авторы подчас прибегают к релятивистской интерпретации [Блауг, 2002, р. 80].

Задача составления подробной типологии методов ИЭУ дополнительно осложняется созданием за последние десятилетия целого калейдоскопа подходов, сочетающих в себе элементы разнообразных научных школ, и нечеткостью концептуальных границ между отдельными направлениями изучения истории мысли. Так же не просто, памятуя о том, что в течение жизни специалист способен — как это произошло, например, с Блаугом — изменить свои взгляды, и из-за отсутствия во многих работах прямых указаний на используемый автором способ изучения истории экономических учений,

Краткое содержание и основные представители современных подходов к изучению ИЭУ

Канон	Релятивизм
Абсолютизм	Подход
<p>Интернализм / Internalism (ранний М. Блауг / M. Blaug, Дж. Кридли / J. Steedy, К. Гувер / K. Hoover, П. Кругман / P. Krugman, Г. Мэнкью / G. Mankiw)</p> <p>Взгляд, согласно которому развитие ИЭУ представляет собой процесс, движимый внутренней логикой экономической теории, не зависящей от хозяйственной истории, в рамках которого в результате интеллектуального соперничества «выживают» только наиболее плодотворные теории</p> <p>«Тонкая» история / Thin history (С. Кейтс / S. Kates, И. Москати / I. Moscati, Т. Хатчисон / T. Hutchison)</p> <p>Способ изучения ИЭУ, отличающийся исследованием аналитических конструкций, созданных мыслителями прошлого, без учета каких-либо внешних обстоятельств, оказывающих влияние на историю мысли</p> <p>Рациональные реконструкции / Rational reconstructions / Виговская история / Whig history (Р. Бэжхаус / R. Backhouse, Т. Негитши / T. Negishi, Ю. Ниханс / J. Niehans)</p> <p>Исследовательская техника, используемая для изображения эволюции истории экономических учений как восхождения от «ложных» идей прошлого к «правильным» современным концепциям и перевода «вербальных» теоретических воззрений старых авторов на язык математики</p> <p>Доксография / Doxography (Г. Дикхойер / G. Dieckheuer, Д. Сальвагоре / D. Salvatore, В-Б. Чанг / W-B. Chang)</p> <p>Прием, посредством которого исследователь пропускает концепции прошлого через «фильтр» современной ортодоксии и разделяет их на «хорошие» и «плохие» по принципу соответствия или несоответствия актуальной в текущий период исследовательской проблематике</p>	<p>Экстернализм / Externalism (М. Ауджелло / M. Augello, Б. Бейтман / V. Bateman, М. Берг / M. Berg, М. Гайди / M. Guidi, М. Лаутценхайзер / M. Lautzenheiser, Д. Росс / D. Ross, Э. К. Хант / E. K. Hunt)</p> <p>Рассмотрение истории экономической мысли в тесной связи с изменениями условий хозяйствования, трансформациями идеологий и вызванными ими мировоззренческими сдвигами</p> <p>«Толстая» история / Thick history (А.У. Б. Коутс / A. W. V. Coats, Р. Эмметт/R. Emmett)</p> <p>Представление о том, что экономические теории следует изучать на фоне социального контекста, а также с учетом особенностей организации и противоречий внутри профессиональных сообществ, в которых приходилось работать их авторам</p> <p>Исторические реконструкции / Historical reconstructions (Р. Кэнтробери / R. Cantorbery, А. Ронкалла / A. Roncalli, поздний М. Блауг / M. Blaug, Г. Шпигель / H. Spiegel)</p> <p>Метод, нацеленный на реконструкцию изначального смысла теории через восстановление исторического, институционального и философско-культурного ландшафтов, окружающих концепции прошлых лет</p> <p>Интеллектуальная история / Geistesgeschichte (Дж. Биддл / J. Biddle, Л. Моос / L. Moss, У. Самуэль / W. Samuels)</p> <p>Историкографическая традиция, в рамках которой рассматривается не столько частный вклад в развитие теории отдельных авторов, сколько вскрываются механизмы постановки исследовательской проблемы и формирования научных канонов, для чего анализируемые концепции помещаются в широкий интеллектуальный контекст</p>

Канон		Релятивизм
Абсолютизм		Подход
<p>Презентизм / Presentism (Дж. Козн / G. A. Cohen, Э. О. Райт / E. O. Wright, С. Холландер / S. Hollander) Методологический подход, сторонники которого обсуждают экономические представления прошлого с позиций современного состояния науки с конечной целью подготовки к возведению на их основе новых теорий, использующих старые концепции для придания ореола историчности своим идеям</p>	<p>Конструктивизм / Constructivism (Э. Р. Вайнтрауб / E. R. Weintraub, А. Кламер / A. Klammer, Ю. Юнай / Y. Yonay, Д. Макклоски / D. McCloskey, Ф. Мировски / P. Mitowski, Е.-М. Сент / E.-M. Sent, М. Шабас / M. Schabas) Совокупность концепций, ориентированных на изучение дискурсов — риторического инструментария и особенностей применяемых экономистами метафор, при помощи которых ученые интерпретируют окружающий мир</p>	<p>Декалонизирующая история / Decolonizing history (В. Браун / V. Brown) Точка зрения, согласно которой ИЭУ не может рассматриваться сквозь призму какой-то одной общепринятой интерпретации, вместо этого ученым необходимо рассматривать труды экономистов прошлого с разных доктринальных позиций и пытаться поставить себя на место современников автора анализируемого произведения</p>
<p>Аналитическая история / Analytic history (Д. А. Уолкер / D. A. Walker, Э. М. Ч. Уотерман / A. M. C. Waterman) Разновидность интерналистской истории, сторонники которой изучают развитие экономической теории через критику научных достижений экономистов прошлого «с высоты» сегоднешнего состояния дел в экономической науке</p>	<p>«Назад в прошлое» (М. Скусен / M. Skusem) Стратегия исследований, нацеленная на доказательство преимуществ старых концепций перед новыми, очищение теорий прошлого от более поздних наслоений и представление ИЭУ как кладовой, содержащей полезные наработки для строительства новых теоретических построений</p>	<p>Национально-ориентированная история / National-oriented history (А. Дой / A. Dow, Ш. Дой / S. Dow, Ч. Макканн / C. McConn, М. Перлман / M. Perlman) Трактовка истории экономических учений как набора школ экономической мысли отдельных стран, отражающих специфику национального менталитета и своеобразие характера различных народов</p>
Вне канона		
<p>Интеллектуальная археология / Intellectual archeology (Э. Райнерт / E. Reiner) Особая категория историографических исследований, нацеленных на открытие имен забытых или еще неизвестных экономистов прошлого, поиск неизвестных современных специалистам и ранее не опубликованных манускриптов, книг, писем, др.</p>		
<p>Популярная история / Popular history (С. Назар / S. Nasar, Р. Хейлбронер / R. Heilbroner) Манера повествования об идеях великих экономистов прошлого, а также времени, в котором жили ученые, обыденным языком, позволяющая популяризировать историю экономических учений среди широкого круга читателей</p>		

однозначно классифицировать современных экспертов в области ИЭУ по различным исследовательским школам. Поэтому сразу оговоримся: наша систематизация не претендует на охват всей панорамы воззрений на развитие ИЭУ и представляет собой обзор наиболее распространенных способов рассмотрения истории экономической науки.

Понимая всю абстрактность выделения каких-то идейных лагерей, мы полагаем, что, несмотря на кажущееся исчезновение былой парадигмальной дуополии, за широкой палитрой новых приемов рассмотрения ИЭУ по-прежнему просматриваются устои двух великих историографических альтернатив — абсолютизма и релятивизма. Исходя из этого, предлагаем, разделив современную историографию на абсолютистский и релятивистский каноны, выделить внутри каждого из них различные течения, а также установить их отличительные черты. Отдавая себе отчет в том, что некоторые способы интерпретации ИЭУ не помещаются в прокрустово ложе дихотомии абсолютизм — релятивизм, ряд направлений изучения истории экономических учений выведен нами в отдельную третью «внеканоническую» категорию.

3. Достоинства и недостатки современных историографических методов

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, отличия между подходами в рамках одного канона в большинстве случаев не носят принципиального характера. Более того, по словам авторитетного специалиста в области ИЭУ Р. Бэкхауса, даже между, казалось, такими антагонистическими техниками изучения истории экономических учений, как рациональные и исторические реконструкции, в современных условиях трудно провести четкую демаркационную линию [Backhouse, 2002, p. 9]. Неудивительно, что в последние годы в историко-экономическом сообществе все чаще стали говорить о некоем синтезе и взаимном переплетении современных историографических методов [Klaes, 2003]. Попробуем выяснить, насколько оправданны подобные представления. Для этого предлагаем сначала разобраться в достоинствах и недостатках ключевых (с нашей точки зрения) принципов исследования ИЭУ.

Начнем наше краткое знакомство с сильными и слабыми сторонами распространенных в настоящее время историографических установок с одного из наиболее популярных в абсолютистском «лагере» метода рациональных реконструкций (PP) [Blaug, 1997,

р. XVII]. К несомненным преимуществам РР без колебаний можно отнести его психологическую органичность: даже самый последовательный приверженец рассмотрения старых теорий в историческом контексте не может полностью абстрагироваться от знания современной экономической теории и подспудно сравнивает экономические воззрения прошлого с актуальной в настоящее время исследовательской проблематикой. «Честные исторические реконструкции в буквальном смысле невозможны, хотя бы только потому, что мы не можем забыть всю современную экономическую теорию, которую мы знаем», — пояснял Блауг [Blaug, 2002, p. 80]. Другим немаловажным плюсом данного подхода является возможность «перевода» истории экономической мысли на универсальный язык математики и ее последующее задействование для анализа текущих вопросов и конструирования новых концепций. Формализуя ИЭУ в виде набора элегантных математических формул и моделей, исследователь может четко проследить прогресс экономической теории, а также создать надежную базу для ранжирования концепций по принципу «лучше» или «хуже». Таким образом, рассмотрение развития истории мысли в русле РР позволяет ученому утверждать, что, например, по своему аналитическому потенциалу и технической красоте «теория ценности Маршалла превосходит теорию Смита» [Автономов, 1994, с. XXI]. Венцом упражнений в искусственной модернизации старых концепций выступает превращение «великих умерших мыслителей в современников, с которыми мы можем обмениваться взглядами» [Blaug, 1990, p. 28].

Уязвимым местом рациональных реконструкций выступает ориентированность на изучение истории *экономического анализа*, то есть логическую обработку теоретических достижений отдельных авторов и их инструментария без учета каких-либо биографических деталей, экономико-исторических экскурсов и философских предисловий. В итоге ИЭУ, рассматриваемая с позиций РР, фактически растворяется в экономической теории, становится второстепенным придатком *economics*. Вполне оправданно, что в глазах некоторых современных экспертов РР выглядят едва ли не «могильщиком» истории экономических учений [Майдачевский, 2012; Freeman et al., 2014].

Отрицание возможности противопоставления экономических теорий и выдачи им односторонних характеристик стало визитной карточкой «антипода» РР — метода исторических реконструкций (ИР). Дело в том, что в отличие от сторонников рациональных реконструкций, делающих акцент на изучении аналитических дости-

жений экономистов прошлого, приверженцы ИР занимаются исследованием *экономических идей*, которые, по их мнению, являются продуктом «человеческого интеллекта во всем своем субъективном разнообразии и сложности» [Samuels, 2004, p. 210] и не подлежат объективной оценке, тем более делению на «плохие» и «хорошие». Специалистов, занимающихся историческими реконструкциями, не интересует поиск столь важной для абсолютистов эфемерной экономической «истины». Исторические реконструктивисты не пытаются искать в трудах мыслителей прошлого зачатки «правильных» на сегодняшний день концепций. Для авторов, работающих в русле ИР, гораздо важнее показать историческую и культурную неповторимость каждой теории, для чего требуется восстановить среду, в которой возникла та или иная концепция.

Очевидно, что ИР выгодно отличаются от РР возможностью выведения ИЭУ из тени экономической теории, то есть наделяют историю экономических учений дисциплинарной независимостью, поскольку «объект исследования уже не ограничивается научными текстами... объект... рассматривается как социальная реальность». Иначе говоря, благодаря ИР историк экономической мысли начинает оправдывать присутствие слова «история» в названии своей дисциплины [Майдачевский, 2012, с. 71–72]. Однако именно это обстоятельство, вкупе со стремлением «интеллектуальных историков» узнать предшественников как «личностей со взглядами, ценностями, чертами характера, а не только экономистов, использующих формальные модели» [Расков, 2015, с. XIII], вызывает серьезные опасения сторонников рационально-реконструктивистской историографии, видящих в релятивистах мятежников, отказывающихся от одного из главных идеалов эпохи модерна — идеи «бесконечного поступательного приращения знания на пути к истине» и подменяющих его ложным принципом «конечности и фрагментированности знания, его исторической и культурной ситуативности» [Толкачев, Чернявский, 2015, с. 424].

Спорить о том, какой подход лучше, можно бесконечно. Гораздо корректнее поставить вопрос о том, какой метод больше соответствует современному «духу времени». Исходя из изложенного выше, напрашивается ответ — будущее ИЭУ за ИР, в рамках которых происходит реконструкция теории на фоне соответствующих социально-исторических декораций. Однако не будем торопиться с выводами, пока не рассмотрены особенности еще, с нашей точки зрения, недостаточно оцененного конструктивистского подхода (КП).

Следует отметить, что выделенный нами в табл. 1 конструктивистский метод вбирает в себя сразу несколько разнообразных направлений изучения истории экономической мысли. Несмотря на некоторые разночтения, на анализе которых из-за ограниченности места мы не будем задерживаться, различные течения конструктивистской историографии имеют общий «знаменатель». Так, израильский социолог Ю. Йонай утверждает, что сердцевину КП образует идея исследовать науку «так, как она есть», то есть «наблюдать за учеными в их лабораториях, слушать их разговоры, а также тщательно следить за историческим развитием аппарата, методов, теорий и изобретений» [Yonay, 1998, p. 15]. Такая дефиниция создает впечатление, будто под «маской» конструктивизма скрывается некое науковедческое направление изучения истории экономических учений.

Однако экономисты, придерживающиеся конструктивистского подхода, несколько отличаются от «обычных» представителей *science studies*. Традиционно, науковеды и в особенности представители такого влиятельного течения в науковедческих исследованиях, как SSK (Sociology of Scientific Knowledge), всячески подчеркивают экстерналистский характер знания, зависящий от «политических и идеологических представлений, религиозных убеждений, эгоистических стремлений к славе и власти» членов общества. Напротив, экономические конструктивисты пытаются пройти между Сциллой абсолютизма и Харибдой релятивизма. С их точки зрения, «научное знание — это результат диалектического взаимодействия социальных, институциональных, концептуальных, материальных и других элементов науки в различных комбинациях» [Yonay, 1998, p. 16]. Из этого следует, что ни видение развития науки как процесса прогресса аналитического инструментария, не зависящего от воздействия на экономистов внешних факторов, ни представление экономической теории в качестве «зеркального отражения объясняемой реальности» [Кламер, 2015, с. 52], не могут являться правильными взглядами на ИЭУ. Выход из положения, по мнению конструктивистов, — рассмотрение истории экономических учений в разных контекстах. Например, яркий представитель конструктивистского направления исследования ИЭУ профессор университета Неймегена Е-М. Сент настаивает на том, что историю мысли нужно анализировать, отталкиваясь от изучения «концептуальных, экспериментальных и социотехнических практик», оказывающих влияние на работу экономистов [Sent, 1998, p. 14].

Вне всякого сомнения, такой поликонтекстуальный подход обогащает ИЭУ, дает возможность глубже проникнуть в механизмы создания и развития экономических идей. Недостатки конструктивизма вытекают из его же достоинств. Близость позиций конструктивистов и постмодернистов, чьим едва ли не главным занятием выступает изучение дискурсов, то есть текстов в событийном контексте, характеризующихся «иррациональностью, противоречиями... нестабильностью и постоянной изменчивостью, неизмеримостью и догадками» [Backhouse, 1992, p. 72], делает невозможным представление истории экономических учений в виде цельной картины. Болезненная реакция на какой бы то ни было детерминизм не позволяет им рассматривать ИЭУ в форме некоей системы. Вместо этого конструктивисты предлагают экономико-историческому сообществу изучать отдельные дискурсы и риторические практики экономистов. В итоге экономические учения прошлого, интерпретируемые в русле конструктивизма, выглядят не единой мозаикой, а разрозненными фрагментами, лишенными связи между собой. Это происходит из-за того, что переход от одной концепции к другой трактуется не как следствие процесса воздействия внешних и/или внутренних факторов на экономическую науку, а в виде случайной смены доминирующих дискурсов.

Поэтому появление конструктивистского метода совсем не означает «конца истории», в чем нас хотят убедить некоторые представители этого течения методологии. Трудно поверить, скажем, в то, что конструктивизм (так же как и постмодернизм), отрицающий существование «этапов развития экономической мысли» и заставляющий верить в наличие «лишь дискретных «систем мысли», не связанных друг с другом отношениями преемственности» [Толкачев, Чернявский, 2015, с. 434], сможет полностью заменить ИР и РР. С нашей точки зрения, «классические» рациональные и исторические реконструкции отнюдь не следует отправлять в методологический «музей» древности. Гораздо более оправданной видится позиция профессора Бирмингемского университета Р. Бэксауса: «Нам нужно много типов истории, включая не только культурные истории или исторические реконструкции... но и оценивающие истории» [Backhouse, 1995, p. 48]. Как нам представляется, будущее исследований ИЭУ заключается в прекращении бесплодных споров на тему «ИР лучше РР» или «презентизм хуже конструктивизма» и расширении методологического плюрализма предоставлением ученым возможности выбора того или иного подхода, исходя из личных предпочтений.

Что касается возможности синтеза подходов, то, скорее всего, как и любое универсальное решение, «сплав» нескольких методов изучения ИЭУ будет уступать по своему аналитическому потенциалу взятым по отдельности исследовательским традициям. Кроме того, вопреки примирительному тону патриархов калибра Блауга и А. У. Б. Коутса, отнюдь не все представители современных течений исследований ИЭУ пропитались духом «пацифизма» и готовы закопать топор методологической «войны». Трудно представить сближение позиций яркого защитника рациональных реконструкций С. Кейтса с исследователями из конструктивистского лагеря, которых он без обиняков именует «врагами истории экономического учений» [Kates, 2014]. Также маловероятно возникновение большой симпатии между любителями принаряжать ИЭУ в математическую одежду и «Марианной современной экономической науки» [Макклоски, 2015, с. XXVIII] — Д. Макклоски, однажды предельно четко обозначившей свою позицию: «Эта математическая чепуха слишком черства и бесчувственна. Дайте мне слова, чувства. Приведите немного вербальной аргументации, или чуть-чуть словесной истории, или хотя бы реальные цифры, но только не очередную X и Y галиматью, которая вызывает у меня головную боль» [McCloskey, 2014, p. 218]. Едва ли в обозримой перспективе найдутся точки соприкосновения во взглядах на ИЭУ между вигистом П. Кругманом, испытывающим чувство облегчения от избавления современной макроэкономики от «глупостей» 1950–1960-х гг. [Krugman, 2013], и П. Беттке, уверенным в том, что экономическая наука развивается в результате «диалога между прошлым и будущим» [Voettke, 2002, p. 354].

Впрочем, в соответствии с постмодернистским духом времени, отрицающим черно-белое дихотомичное мышление, никто не может запрещать ученым искать методологические полутона и заниматься «скрещиванием» разнообразных способов объяснения истории экономических учений. Более того, современные исследования показывают, что эклектичность мышления — все больше свойственна психике современных людей [Thompson, 2003, p. 9]. Тем не менее, с нашей точки зрения, значительно более привлекательной — пусть и крайне трудноосуществимой — видится перспектива рассмотрения ИЭУ, впрочем, равно как и любых других многогранных социально-экономических феноменов, с разных углов зрения. Суть подобной методологической полифонии Макклоски видит в овладении экономистом мастерством интеллектуального

переодевания и примерки на себя платья историка, философа, социолога и литературоведа [Маккроски, 2015].

В завершение отметим, что, несмотря на смещение симпатий современного экономико-исторического сообщества в сторону различных релятивистских направлений исследования истории экономической мысли, окончательный выбор способа изучения ИЭУ остается за исследователем. В свою очередь, ожесточенные методологические дебаты вокруг данной дисциплины свидетельствуют о том, что вопреки мрачным настроениям в отношении будущего истории экономических учений этот предмет не только не перестал интересовать специалистов, но и показывает признаки динамичного развития.

Заключение

1. Дилемма выбора между абсолютизмом и релятивизмом, по всей видимости, носит непреодолимый характер. Несмотря на провозглашение отдельных черт абсолютизма и релятивизма в творчестве практически любого исследователя, в конечном итоге специалист в области истории экономических учений примыкает к какому-то из двух полюсов методологического спектра. Даже резкое расширение арсенала методов исследования ИЭУ, произошедшее на рубеже XX–XXI вв., не должно затмевать того обстоятельства, что за новым многокрасочным фасадом экономической историографии по-прежнему кроются старые абсолютистско-релятивистские «стены».

2. Общий интерес гуманитарных дисциплин конца XX столетия к постмодернизму не обошел стороной историю экономических учений, что вылилось в крах виговской монополии и ренессанс релятивистской историографии, среди которой особую популярность начала обретать конструктивистская методология. Вместе с тем, невзирая на несомненные преимущества, конструктивизм с его акцентом на изучение метафор и поэтики экономических текстов не свободен от недостатков. В частности, из-за отказа от выявления функциональных связей ИЭУ в конструктивистской интерпретации превращается из монолитного полотна в зыбкое пространство, сотканное из не связанных друг с другом «лингвистических игр, в которые играют экономисты» [Blaug, 2003, p. 402].

3. Одним из виновников дискриминации ИЭУ во второй половине XX столетия являлся радикально абсолютистский взгляд на развитие истории экономических учений, низводивший данный

предмет до роли второстепенной прислуги, стража пыльного сундука с летописями прогресса технического инвентаря экономической теории. Релятивистский поворот в историографии, стартовавший в последней четверти XX в., дает шанс на ревитализацию ИЭУ, отброшенной на дисциплинарную периферию в годы засилья агрессивного позитивизма. Повышенное внимание специалистов к трактовкам экономических идей в релятивистском ключе вселяет надежду на постепенный выход ИЭУ из подчиненного экономиксу положения и обретение историками мысли собственной исследовательской ниши.

4. Мечты о создании некоего синтетического метода, вбирающего в себя лучшие достижения абсолютизма и релятивизма, скорее всего, останутся нереализуемыми иллюзиями. Гораздо более плодотворной представляется задача обучения ученых «быть разумными», то есть «взвешивать и учитывать все доводы, а не только те, которые какая-нибудь методология... считает остановками на единственном крестном пути к Обоснованной Истинной Вере» [Макклоски, 2015, с. 249]. Залогом успешного развития ИЭУ должно стать соблюдение методологического плюрализма и проведение политики открытых дверей для желающих приобщиться к истории экономической мысли из других разделов экономики и представителей других отраслей знания.

Список литературы

1. *Автономов В. С.* Предисловие к русскому изданию / Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
3. *Кламер А.* Странная наука экономика: приглашение к разговору. М., СПб., 2015.
4. *Майдачевский Д. Я.* Историография экономической науки: от плюрализма подходов к господству «мейнстрима» // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2.
5. *Макклоски Д.* Риторика экономической науки. М., СПб., 2015.
6. *Расков Д.* О чем говорит Кламер / Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. М., СПб., 2015.
7. *Толкачев С. А., Чернявский С. В.* Экономическая теория и философия постмодернизма / Толкачев С. А. (Ред.). История экономических учений. М., 2015.
8. *Backhouse R. E.* The Constructivist Critique of Economic Methodology // Methodus. 1992. June.
9. *Backhouse R.* Economists and the Economy: The Evolution of Economic Ideas. N.Y., 2002.

10. *Backhouse R. E.* Interpreting Macroeconomics: Explorations in the History of Macroeconomic Thought. L., N. Y., 1995.
11. *Biology in Society.* URL: <http://www.cram.com/flashcards/biology-in-society-lecture-3-3583881>
12. *Blaug M.* On the Historiography of Economics // Journal of the History of Economic Thought. 1990. Vol. 12. No. 1.
13. *Blaug M.* Economic Theory in Retrospect. Cambridge, 1997.
14. *Blaug M.* Misunderstanding Classical Economics: The Sraffian Interpretation of the Surplus Approach / Nisticò S., Tosato D. (Eds.). Competing Economic Theories: Essays in Memory of Giovanni Caravale. L., N. Y., 2002.
15. *Blaug M.* Not Only an Economist — Autobiographical Reflections of a Historian of Economic Thought / Szenberg M., Ramrattan L. (Eds.). Reflections of Eminent Economists. Cheltenham, 2004.
16. *Blaug M.* The Formalist Revolution of the 1950s / Samuels W. J., Biddle J. E., Davis J. B. (Eds.). A Companion to the History of Economic Thought. Malden, Oxford, 2003.
17. *Boettke P. J. (a)* Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. L., N. Y., 2001.
18. *Boettke P. J. (b)* F. A. Hayek as an Intellectual Historian of Economics / Medema S. G., Samuels W. J. (Eds.). Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory. N. Y., 2001.
19. *Boettke P. J.* Introduction / Boettke P. J. (Eds.). The Collapse of Development Planning. N. Y., L., 1994.
20. *Boettke P. J.* The Use and Abuse of the History of Economic Thought within the Austrian School of Economics // History of Political Economy. 2002. Annual Supplement. Vol. 34.
21. *Bolduig K. E.* After Samuelson, Who Needs Adam Smith? // History of Political Economy. 1971. Vol. 3. No. 2.
22. *Clarke C.* An Interview with Paul Samuelson, Part Two. 2009. June 18. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2009/06/an-interview-with-paul-samuelson-part-two/19627/> (last accessed data: 08.06.2015).
23. *Coase R. H.* George J. Stigler: An Appreciation // Regulation. 1982. November-December.
24. *Emmett R. B.* (Eds.). Selected Essays by F. Knight. Chicago, London: The University of Chicago Press. 1999. Vol. 1.
25. *Freeman A., Chick V., Kayatekin S.* Samuelson's Ghosts: Whig History and the Reinterpretation of Economic Theory // Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 38. No. 3.
26. *Goodwin C. D.* History of Economic Thought / Durlauf S. N., Blume L. E. (Eds.). The New Palgrave Dictionary of Economics. N. Y., 2008.
27. *Gordon D.* The Role of the History of Economic Thought in the Understanding of Modern Economic Theory // American Economic Review. 1965. Vol. 55. No. 1–2.
28. *Groenewegen P.* Eighteenth-Century Economics: Turgot, Beccaria and Smith and their Contemporaries. L., N. Y., 2002.

29. *Hutchison T.W.* On Revolutions and Progress in Economic Knowledge. Cambridge, 1978.
30. *Johnson M., Meder M., Schweikhardt D.* Introduction to Notes from Warren J. Samuels's Course on the Economic Role of Government / Johnson M. (Eds.). Documents on Government and the Economy. Bingley, 2012.
31. *Kates S.* The History of Economic Thought and Its Enemies. Unpublished Manuscript. Melbourne, 2014. URL: <http://www.vu.edu.au/sites/default/files/cs/es/pdfs/kates-paper.pdf> (last accessed data: 08.06.2015).
32. *Klaes M.* Historiography / Samuels W.J., Biddle J. E., Davis J. B. (Eds.). A Companion to the History of Economic Thought. Malden, Oxford, 2003.
33. *Kliman A.* Reclaiming Marx's Capital: A Refutation of the Myth of Inconsistency. Lanham, 2007.
34. *Krugman P.* Wynne Godley and the Hydraulics. URL: http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/09/13/wynne-godley-and-the-hydraulics/?_r=0 (last accessed data: 08.06.2015).
35. *Kurz H. D.* Is There a «Classical» Alternative to Marginalist Theory? Some Introductory Remarks / Kurz H.D. (Eds.). The Theory of Value and Distribution in Economics: Discussions Between Pierangelo Garegnani and Paul Samuelson. Abingdon, N. Y., 2013.
36. *McCloskey D.* Why Economics Is on the Wrong Track / Lanteri A., Vromen J. (Eds.). The Economics of Economists. Institutional Setting, Individual Incentives, and Future Prospects. Cambridge, 2014.
37. *McCloskey D.N.* Knowledge and Persuasion in Economics. Cambridge, 1994.
38. *Medema S. G., Waterman A. M. C.* Paul Anthony Samuelson: Historian of Economic Thought // History of Economic Ideas. 2010. Vol. 3.
39. *Parker R.* Reflections of the Great Depression. Northampton, 2002.
40. *Samuels W.J. et al.* Should the Authors of History-of-Economic-Thought Textbooks Say About the History of Economic Thought / Samuels W.J, et al. (Eds.). Essays in the History of Economics. L., 2004.
41. *Sent E-M.* The Evolving Rationality of Rational Expectations: An Assessment of Thomas Sargent's Achievements. Cambridge, 1998.
42. *Solow R. M.* Comments from Inside Economics / Klammer A. et al. (Eds.). The Consequences of Economic Rhetoric. Cambridge, 1988.
43. *Szenberg M., et al.* Introduction: The Significance of Paul Samuelson in the Twenty First Century / Szenberg M. et al. (Eds.). Samuelsonian Economics and the Twenty-First Century. Oxford, 2006.
44. *Thompson R. A.* Counseling Techniques: Improving Relationships with Others, Ourselves, Our Families, and Our Environment. Abingdon, N. Y., 2003.
45. *Van Assalet M. B. A.* Perspectives on Uncertainty and Risk: the PRIMA Approach to Decision Support. Dordrecht, 2000.
46. *Yonay Y. P.* The Struggle over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America Between the Wars. Princeton, 1998.

The list of references in cyrillic transliterated into latin alphabet

1. Avtonomov V. S. Predislovie k russkomu izdaniju / Blaug M. Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive. M., 1994.
2. Blaug M. Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive. M., 1994.
3. Klamer A. Strannaja nauka jekonomika: priglasenie k razgovoru. M., SPb, 2015.
4. Majdachevskij D.Ja. Istoriografija jekonomicheskoi nauki: ot pljuralizma podhodov k gospodstvu «mejstrima» // Terra Economicus. 2012. T. 10. № 2.
5. Makkloski D. Ritorika jekonomicheskoi nauki. M., SPb, 2015.
6. Raskov D. O chem govorit Klamer / Klamer A. Strannaja nauka jekonomika: priglasenie k razgovoru. M., SPb, 2015.
7. Tolkachev S. A., Chernjavskij S. V. Jekonomicheskaja teorija i filosofija postmodernizma / Tolkachev S. A. (Red.). Istoriya jekonomicheskikh uchenij. M., 2015.